

16+

СТЕЛЛА КЪЯРРИ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ТЕЛО

ХРАНИТЕЛЬ

Для дочери
ДРУГА

Стелла Къярри

Телохрани́тель для дочери друга

«Автор»

2022

Кьярри С.

Телохранитель для дочери друга / С. Кьярри — «Автор», 2022

Лейла возвращается на родину после гибели отца. Она обвиняет свою мачеху в его убийстве и делает все, чтобы ей не досталось наследства. Чтобы добиться цели и защитить семью, Лейле приходится расследовать странную смерть отца, наладить контакт с младшей сестрой и не влюбиться в своего телохранителя, который готов на все, чтобы ее защитить, не понимая, что главная опасность для нее – он сам.

© Кьярри С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1		5
	Владимир	5
2		9
	Лейла	9
3		15
4		25
5		28
6		35
	Владимир	35
	Конец ознакомительного фрагмента.	37

Стелла Кьярри

Телохранитель для дочери друга

1

Владимир

– Яхта – огонь! Поздравляю! Тельняшку не забудь, чтобы по палубе рассекать! Заманивать «русалок» своими бицепсами.

– Даниил Иосифович...

– Мы же договорились, без формальностей. Я всегда считал тебя другом, и раз уж наши рабочие отношения закончились, очень прошу называть меня просто. Без отчества.

– Ладно, как скажешь, – расплываюсь в улыбке. Даня много лет был моим клиентом, я обеспечивал его безопасность. Но вот от главной «беды» уберечь не смог. Некоторое время назад очаровательная особа сумела «прорвать оборону». Одним выстрелом в сердце она убила сразу двух зайцев: влюбила его в себя и лишила меня работы. Молодая семья временно переезжает за границу и в моих услугах больше не нуждается, а я отправляюсь в долгожданный и заслуженный отпуск.

– Чем будешь заниматься после кругосветки? – похлопывает по корпусу моей новенькой яхты.

– Честно говоря, на «передовую» не собираюсь. У меня отличные ребята, которые знают свое дело, бизнес приносит неплохой доход... да и накоплений хватит на безбедную жизнь, я ведь особо не тратил. Вот только на яхту... – довольно смотрю на свое новое имущество. Эта красotka стоила того, чтобы ее купить. Тут есть все, чтобы отправиться в путешествие. Только я и море! Мечта!

– Уверен, что такая спокойная жизнь по тебе?

– Может быть, кроме охранного агентства открою какой-нибудь кружок по единоборствам... буду учить молодое поколение себе на смену, – пожимаю плечами. В принципе, я и сам еще хоть куда, сорок лет для мужика не возраст. Просто надоело. – Хочется чего-то нового, или хотя бы на время сменить обстановку. Перезагрузка, встряска... называй как хочешь.

– Как говорится, поживем увидим. У тебя как раз будет время подумать над этим в отпуске. Ох, даже немного завидую...

– Точно, – довольно хмыкаю. Пусть завидует, я-то холостяк! Сам себе предоставлен.

– Я тоже думаю, не прикупить ли мне яхту или катерок... но Катка боится, что ее будет укачивать и тошнить.

– Ой не знаю... девушки на корабле к беде. А уж беременные... так и вовсе.

Начинаем смеяться. Данька любит свою жену, но мой юмор оценивает.

– Там каюта, а вот тут у меня небольшая кухня.

– Вов, знаешь, что скажу... все-таки надо тебе завести девчонку. Будут тебе и блинчики, и яичница по утрам... и все такое... – намекает, заставляя меня хмыкнуть.

– Я и сам себе хорошо блинчики приготовлю. А что касается девочки, то есть у меня одна на примете. Вчера приبلудилась. Не выгонять же!

Вижу, как вытягивается лицо у Даниила.

– Эй! Иди сюда... Котенок! – зову. В углу, где стоят коробки с запасами, происходит странное шевеление. Даниил вздрагивает, а я начинаю откровенно посмеиваться. – Да не бойся. Она еще малышка совсем.

– Вова... ну ты приколист! – понимает, о чем речь, увидев рыжую кошку, выбирающуюся из коробки. – Это не девочка, это животное. Причем домашнее, а не корабельное.

– Разве ты не знаешь, что моряки часто берут с собой питомцев, – почесываю за ухом. Пушистая начинает громко урчать и щуриться от удовольствия. Такую «женщину» я готов потерпеть рядом с собой. И на этом точка.

Киваю за барную стойку. Пора бы и отпраздновать обновочку.

– Знаешь, что перед выходом в море надо о борт разбить бутылку? Говорят, что это традиция.

– Точно! А я думал, на кой черт мне «шампунь» подарили при покупке? Сам знаешь, нормальные мужики предпочитают другое, – подмигиваю и достаю специально подготовленный «пиратский» напиток. – Йо-хо-хо!

– Поддерживаю! Но традиция есть традиция. Пошли, – хватает «шампунь» и зовет меня за собой.

Немного странно поливать яхту игристым. Все-таки я не привык откровенно дурачиться. Но Даня «заражает» меня весельем, поэтому разрешаю себе расслабиться.

Громко напевая какую-то песню о море и обращая на себя внимание немногочисленных гуляющих, он трясет бутылку и на счет раз, два, три... сует ее мне.

– Ну! Давай! Бей!

– Была не была... – Размахнувшись, сношу горлышко о глянцевую поверхность новенькой яхты. Фонтан брызг обливает меня, борт и... какую-то тетку, которая внезапно материализовалась из воздуха.

– Вы что творите, гражданин?!

– Простите, миледи, я угощаю, – стараюсь взять себя в руки, но ее нелепая одежда и мелкие кудерички в сочетании со старушечьей розовой помадой настолько веселят меня, что я продолжаю улыбаться как идиот. Один раз в год можно и повеселиться.

– Вов, – окликает Даня. Он почему-то становится серьезным, хотя сам только что заставлял меня дурачиться.

– Что?

– Убери это. Тут ребенок.

– Где? – оглядываюсь по сторонам.

– Владимир Романович – это не вы, надеюсь? – старательно сдувая со лба прилипшие волосы, раздраженно уточняет тетя.

– Я... – хмурюсь. Состояние эйфории улетучивается. Чую запах проблем.

– Григорьева Тамара Михайловна. Из опеки, – сует мне в нос какую-то бумажку.

– Владимир. Келлер.

– Через е или и?

– Что?

– Киллер? – смотрит, ожидая реакции.

– Келлер! – спокойно повторяю. Уверен, она специально коверкает мою фамилию, выводя меня на конфликт. – А собственно, к чему вопрос? И что вам от меня нужно? – наконец, в стороне замечаю небольшую коляску, в которой спит маленькое существо в розовых сандалиях.

– Вы знакомы с гражданином Храмовым, Егором Алексеевичем?

– Да...

– Он имел неосторожность указать вас опекуном.

– Чего?! – едва не роняю разбитую бутылку.

– Ознакомьтесь. И подпишите. Если вы, конечно, дееспособны и вменяемы... в чем я начинаю сомневаться, – цедит, опасливо поглядывая на острое горлышко – розочку, в которую превратилась бутылка дорогого шампанского.

– Он дееспособен и трезв! Гарантирую и поручаюсь за него, – вступает Даниил, закрывая «оружие» в моих руках. – Самый надежный человек из всех возможных. Просто он в отпуск собрался. Вот, по традиции мы и пошли... ну знаете, поливать борт... как корабль, когда на воду спускают. А мы сами ни-ни. Как стекло! Можем дыхнуть куда надо.

– Достаточно, молодой человек, – обрывает и повторяет, как заезженная пластинка. – Ознакомьтесь. И подпишите.

Беру у нее из рук сомнительную бумажку и пробегаюсь глазами. Так и есть. Егор, видимо, сошел с ума...

– Могу я узнать, что с моим другом? У ребенка есть отец и мать, я не имею к нему никакого отношения.

– Егор Алексеевич умер на прошлой неделе. А мать девочки погибла в автомобильной катастрофе еще полтора года назад.

Сжимаю зубы. А ведь он говорил, что женился. Я поздравил его и не спросил про Наташу... Гордый. Черт! Мы же с ним так давно не виделись, и я ничего о нем не знал.

– А новая жена? Еще родственники? Есть хоть кто-нибудь?! – перебираю в уме.

– Маргарита Храмова под следствием по подозрению. Есть еще одна дочь, но она находится за границей и... признаться честно, ей самой нужен опекун. Но если вы с ней договоритесь...

Малышка тем временем просыпается и начинает барабанить ногами по коляске, привлекая внимание. Женщина поднимает козырек, и я вижу маленькую копию Наташки, жены Егора. Зеленые глаза на пол лица и волнистые черные волосы. Боль пронзает сердце, но лишь на мгновение.

– Что будет с ребенком, если я откажусь?

– Ее определят в детский дом до выяснения. Если сестра не оформит опекунство вместо вас, то ребенку будут искать новую семью. Все это время она будет в детском доме. Если вы откажетесь, то Амалия, скорее всего, вообще никогда не вернется в семью.

– Почему вы так говорите? – малышка выглядит вполне здоровой и даже улыбается, протягивая руки. Наверное, хочет вылезти из коляски.

– У нее есть небольшие отклонения в развитии, но это поправимо при должном уходе и занятиях. Ей требуется повышенное внимание и много любви и тепла. Вы сможете ей дать все это?

– Вы сами как думаете?! – не выдерживаю. Какой-то абсурд! Я ничего не понимаю и, скорее всего, это все мне снится.

– Я никак не думаю, поэтому спрашиваю вас.

– Вов, на пару слов, – Даня оттаскивает меня в сторонку.

– Что?! – бросаю на него убийственный взгляд.

– Ее нельзя в детдом. Она такая маленькая... кто там с ней будет заниматься? Ребенок останется инвалидом и все...

– И что ты предлагаешь?!

– Возьми ее себе. На время. Там же есть еще какая-то... девушка. Вдруг она адекватная? Вернется домой и пусть себе сестру забирает. Передашь ребенка ей и будешь свободен.

– Ты в своем уме? Что я делать-то с ней буду?!

– Няню наймешь.

– А отпуск?!

– Ну... Кошку же ты взял...

– Она же, черт возьми не кошка! Это ребенок! Живой! – повышаю голос на Даниила. И тут же жалею. Он-то уж точно ни в чем не виноват, а мне надо сохранять спокойствие. Но в голове включается сирена. Дети – это не то, что мне сейчас нужно.

Молча выражаюсь самыми нецензурными словами. При мысли, что мне предстоит отложить поездку и разгребать чужие дела, настроение окончательно портится. И хотя лицо не выражает ничего, кроме равнодушного спокойствия— профессиональная выдержка делает свое дело, в душе от моего самообладания не остается и следа.

2

Лейла

– Ваш отец оставил завещание. Оглашение послезавтра. Стоит ли напоминать, что присутствие обязательно?

– Можете не утруждаться, – закатываю глаза. Альберт смотрит на меня поверх очков, вероятно, пытаясь разглядеть сожаление или увидеть хоть какие-то эмоции. Напрасно. Единственное, что теперь может заставить меня разрыдаться – только что очищенный кусок лука, случайно попавший мне под нос. Слез нет. Кончились полтора года назад, когда мне сообщили про аварию, в которой разбилась мама и пострадала сестра. Казалось, что папа убит горем не меньше меня, но он печалился недолго. Поразмыслив, что я буду мешать ему жить на полную катушку, отец отправил меня на обучение в колледж, подальше от дома, а сам времени зря не терял! Спустя некоторое время он вновь женился на одной из своих содержанок. Марго. Ненавижу ее! – Жаль, что Рита не отправилась на тот свет вместо него!

– Лейла!

– Ой, я сказала это вслух? – картинно хватаюсь за лоб, изображая крайнее сожаление.

– Самолет завтра. Если вам плевать на последнюю волю отца, то подумайте об Амалии. Она еще слишком мала, чтобы лишиться всего. Вы – последнее что у нее осталось, – заключительную фразу Альберт говорит тихо. Но, несмотря на это, я прекрасно его слышу. И только при упоминании сестры в моем сердце что-то просыпается. Вспомнит ли она меня? Узнает ли? Мы не виделись больше года. Двухлетний ребенок неспособен помнить то, что было в младенчестве. Я для нее чужая, не стоит и пытаться.

В аэропорту меня встречает водитель отца. Раньше мы ладили, но потом он внезапно женился и стал строить из себя взрослого и делового. На этом наши приятельские отношения кончились.

– Куда ты меня везешь?

– Домой.

– Я не хочу туда. Остановлюсь в отеле.

– Ничего не знаю, я лишь выполняю распоряжение.

– Чье?!

– Твоего отца.

– Он позвонил тебе с того света?

– Лейла...

– Нет! Вези меня в отель. Я не собираюсь жить под одной крышей с этой... дрянью.

– Если ты имеешь в виду Маргариту, то она под следствием.

– Прекрасно! Надеюсь, ее посадят до самой пенсии! И она не сможет больше выдаивать деньги из недальновидных мужчин.

На это у водителя не находится аргументов. Он отворачивается и сосредотачивает все свое внимание на дороге.

Судя по тому, что я вижу из окна, Ильдар все-таки везет меня домой. Вот же упрямый осел... ну ладно.

– Звони жене.

– Зачем? – поднимает брови.

– Предупреждай, что не придешь на ночь.

– Лейла... ты в своем уме, вообще? С чего бы вдруг?

– С того! Мне восемнадцать! Я совершеннолетняя и могу сама решать, где жить! А если ты такой умный, то сегодня ночуешь со мной, потому что я не желаю оставаться одна в этом огромном доме! – повышаю голос. Приходится, он же по-человечески не понимает.

– Ок, я понял. Сейчас посмотрю, что тут есть неподалеку.

– В центр, Ильдар. Вези меня в центр! У меня большие планы на ночь. А тут нет ни единого клуба.

– Если ты собираешься тусоваться, не все ли равно, куда приползти под утро? – задает резонный вопрос, который я оставляю без ответа. Но спохватившись, бью ладонью по передней панели.

– Стой!

Ильдар переводит ошеломленный взгляд с блестящего, отполированного дерева на меня, и давит по тормозам. Так резко, что я выливаю апельсиновый сок на белоснежную майку.

– Черт! Поаккуратнее можно?!

– Сама просила остановить...

– Не здесь же! А там, – киваю на знакомые очертания особняка. Раз уж мы проезжаем мимо, возьму из дома кое-какие вещи и свое любимое платье. К тому же теперь мне точно придется переодеться.

– Ладно, – вздыхает и заруливает на парковку.

– Даже не думай уезжать. Я вернусь и поедем дальше.

Оставив бубнящего Ильдара на улице, открываю дверь. Запах строительных материалов ударяет в нос. Похоже, в некоторых комнатах все еще идет ремонт. Но сейчас в доме тихо, наверное, отец не успел его закончить. Сжимаю зубы, оглядываясь по сторонам. От дома веет холодом. Как бы я не храбрилась, после случившегося мне не по себе. Нет, не смогу тут жить. Не сейчас, не в одиночестве.

Сажусь на лестницу и обхватываю себя за плечи. Мне нельзя давать волю чувствам, вытаскивать из глубины души то, что я так старательно и долго туда прятала после смерти мамы. Если я дам слабину, то сломаюсь. А кроме себя мне рассчитывать не на кого. Поэтому встряхиваю головой, глубоко вдыхаю и хлопаю ладонью по щекам. Помогает. Занятия с психологом прошли не зря. Нужно убираться отсюда как можно скорее. Дома слишком много воспоминаний.

И все-таки ехать в отель в таком виде нельзя. Поэтому поднимаюсь по лестнице и иду в сторону ванной, параллельно избавляясь от липкой майки. Быстро привести себя в порядок и свалить. Легко. Но внезапно, кажется, что слышу какие-то звуки. Галлюцинации? Плод больного воображения? Спокойно. Может, я ошиблась, и кто-то из бригады все же остался допоздна? А может, Ильдар ввел меня в заблуждение? Марго отпустили из-под стражи, и она вернулась домой?! Но что она забыла в моей спальне?!

Решительно топаю в сторону комнаты, где не живу уже больше года и с ноги распахиваю дверь. Страх отступает на задний план. Я в ярости! Если эта кукушка приперлась в мой дом, то я устрою ей сладкую жизнь!

– Что здесь происходит?! – рычу, осматривая свои «покои». Нет. Это вовсе не жена отца. Ярость сменяется шоком.

На перекладине над кроватью замечаю атлетически сложенного мужчину. Вау... Теряю дар речи, скользя глазами по напряженным мышцам рук и спины. Капельки пота медленно стекают вниз по его мощной шее, огибая рельефные мышцы. Замираю, дыхание сбивается. Спортсмен? Почему он тренируется здесь?! Каркас кровати вовсе не предназначен для того, чтобы на нем подтягиваться... хотя если такие парни делают дома ремонт, то я не против... моя спальня нуждается в «обновлении», пусть приступает.

– Аналогичный вопрос, – Легко спрыгивает на пол и невозмутимо оценивает мою фигуру. Взгляд заливает на уровне груди, и я вспоминаю, что несколькими минутами ранее

стянула майку. Одним словом, на мне только прозрачное белье. Такой уж у меня «пунктик», носить то, что другие предпочитают держать для особенного случая. Кто знает, когда этот «особенный» случай может наступить? Вот, например, сейчас. И мне явно льстит то, как он смотрит. Поэтому вместо того, чтобы прикрыться, я лишь принимаю более выгодную позу и поправляю волосы. Хочу сразу дать понять, что не из робких. Хотя внутри бушует вулкан из сомнений, смущения и любопытства. Стоило бы сбежать или звать на помощь Ильдара, ведь в моей спальне незнакомец! Но... от него исходит какой-то животный магнетизм. Тот самый тип мужчины, ради которого женщины готовы на все. Дыхание срывается, пульс зашкаливает, к щекам приливает румянец. Сглатываю и стараюсь говорить как можно тверже.

– Я здесь живу, вообще-то! Это моя комната!

Незнакомец тянется к полотенцу. Где он его раздобыл?! Рубашка брошена на спинку кресла, и я могу разглядеть все достоинства его фигуры. Это довольно необычно и волнительно. Оцениваю его пресс, блестящий от пота, сексуальные татуировки на теле. Особенно меня привлекает изображение крыльев на мощной груди. Этот мужчина далеко не прост. Ничего общего с парнями, которые у меня были. Судя по выражению лица – не мальчик. Но какая фигура... Снова смотрю на «кубики» – результат упорных тренировок, улавливаю взгляд самца, который знает себе цену. У него, наверное, целая куча женщин.

А что, если это новый любовник Марго?! Эта мысль прерывает полет моих девичьих фантазий.

– Что ты здесь делаешь?! Ошибся дверью?!

– Уверена, что эта комната твоя? – поднимает брови. Даже это он делает так, что по коже мурашки. Или всему виной голос? Низкий, бархатный, пробирающий до дрожи... Стоп.

– Кто ты такой, черт возьми?! – перестаю пялиться и старательно делаю беспристрастное лицо.

– Владимир. А ты, вероятно, Маргарита? – снова бросает какой-то чересчур заинтересованный взгляд на мою грудь и зачем-то делает шаг ко мне. Приходится отступить. – Думал, что ваша с Егором спальня в другом конце коридора. Прошу меня извинить. Попутал. Впредь буду более осторожным...

Осознание, что он принял меня за Марго, лишает дара речи. Значит, не любовник. Но судя по тому, что я вижу, вполне потенциальный кандидат. Вот только он ошибся.

– Одно уточнение. Я не жена. Я – его дочь! А вот кто ты... и как попал в дом?! Немедленно объясни, иначе я вызываю ментов.

Лицо Владимира меняется от ухмылки и интереса к ошеломлению. Кажется, я вижу... сочувствие? Похоже, он не ожидал. Разочарован? Смущен?!

– Лейла?! Какая ты... взрослая, – резко отводит взгляд и натягивает рубашку, скрывая от меня свое красивое тело.

– Ага. Что в этом удивительного?

– Мне сказали, что ты заграницей. С возвращением.

– Спасибо... – окончательно путаюсь. Кто сказал? Зачем? В комнате становится тесно. Теперь мне хочется прикрыться.

– Я друг твоего отца. Владимир Романович Келлер. Мы служили вместе. Я был знаком с твоей мамой... – зачем-то уточняет. – Прими мои соболезнования. Мне жаль.

Отворачиваюсь. Только этого не хватало...

– Не нуждаюсь в сочувствии. Меня ничего не связывало с отцом и его содержанкой, кроме наследства. Собственно, ради него я и прилетела домой. На остальное плевать.

Хмурится.

– Так чем обязана?

– Я буду с вами жить. Временно.

– В моей комнате?!

– Нет, конечно! Займу другую, – откашливается. Кажется, мужчина немного не в себе. – Буду признателен, если уточнишь, какая свободна.

– Понятия не имею. И вообще, с чего вдруг ты собираешься тут жить?! Дом не сдается и не продается!

– Твой отец назначил меня опекуном для Амалии, – протягивает мне бумаги, окончательно запутывая. – А органы опеки считают, что ребенку лучше в родных стенах, да и квартиру свою я сдал... еще вчера собирался в путешествие, не подозревая, что судьба преподнесет мне такой «сюрприз». Но ты бы очень меня выручила, если бы взяла некоторые обязательства по уходу за ребенком на себя. Тебе это явно ближе.

Амалия. Опекун. Я. Это «трио» не вяжется друг с другом.

– Какая из меня нянька? Что я могу дать двухлетнему ребенку, учитывая, что полтора года из ее жизни мы не виделись?! – срываю злость на нем. – Раз папаша назначил опекуном тебя, значит, так тому и быть. Успехов! Кстати, в доме ремонт и все жилые комнаты заняты стройкой. Но за небольшую «услугу» я могу пустить тебя в свою.

– Да? – в глазах снова мелькает интерес. – И за какую же?

Ответить не успеваю. Наш странный диалог прерывается чудовищным грохотом. Пока прихожу в себя, Владимир уже бежит на звук. Похоже, что-то произошло в гостинной.

– Разве в доме есть еще кто-то? – спрашиваю на бегу.

– Конечно! Твоя сестра! – рычит, пытаясь открыть дверь. Но замок не поддается.

– Амалия! – пугаюсь. В набитой строительными материалами комнате двухлетний ребенок мог сделать все что угодно... – Почему она одна?! И как смогла запереться?!

– Она спала в детской. Понятия не имею, как она пробралась в гостиную, – отрезает.

За стеной слышится новый грохот. А в следующий момент уникальная дорогушая дверь буквально слетает с петель. Владимир вышибает ее с ювелирной точностью, так, чтобы она не задела никого из нас. Вот это да... ошеломленная, я на секунду замираю. А Вова не теряет времени: влетает в комнату, чтобы спасти ребенка.

– Черт... Как ты туда залезла?!

Отмираю и бегу следом. Поднимаю глаза и вижу, как малышка сидит на монтажной лестнице и тянет ручки к банкам с краской. Одна из них уже валяется на полу, растекаясь черной кляксой.

– Амалия... не делай этого... прошу! Осторожнее!

Ребенок слышит мой голос и медленно поворачивает голову на звук. Только бы не упала, Боже... как она смогла туда забраться, это же высоко!

– Ля-ля?! – взвизгивает и теряет интерес к банкам. Узнала?! Неужели она меня помнит?!

Малышка пару секунд смотрит на меня, и, вероятно, решает вернуться на землю. А затем до ее сознания доходит мысль, что слезть оттуда гораздо сложнее, чем подняться. В огромных глазах мелькает страх. И сейчас я слишком хорошо чувствую ее эмоции, и сама начинаю паниковать.

– Не бойся... – забываю про Вову и кидаюсь на лестницу. Главное, снять девочку сверху и убедиться, что ее здоровью ничего не угрожает. – Сейчас сестренка тебя вытащит... только держись крепче!

Хватаюсь за неустойчивое основание, чтобы забраться наверх.

– Стой! Это опасно. Я сам, – Владимир хватается за талию и возвращает на твердый пол. Но я не чувствую опоры под ногами. Я ощущаю только жар его тела и то, как колотится сердце. От адреналина, конечно... близость ни при чем. Владимир серьезно смотрит мне в глаза. Может быть, владеет гипнозом? Пара мгновений и я безропотно подчиняюсь, следуя его приказу. Амалия вопит. Кажется, что она вот-вот рухнет. – Говори с ней, отвлеки внимание!

Если бы на кону не было здоровье моей маленькой сестренки, то я, возможно, поспорила бы с ним. Но сейчас нет времени выяснять, «кто больше достоин быть героем». Поэтому киваю и отхожу назад. Отвлечь внимание? Чем? Здесь нет ничего кроме строительных материалов.

– Малька, смотри! Будем рисовать! – не нахожу ничего умнее и со всего маху шлепаю ногой по кляксе на полу. Черные капли разлетаются по белоснежным, только что покрашенным стенам, оставляют «узоры» повсюду. Словно сумасшедший художник, решивший превратить комнату в экспериментальный зал, я продолжаю предаваться безумию. Моя кожа и светлые джинсы покрываются черными пятнами. Если бы отец видел это... его перфекционистская душа вряд ли оценила бы экспрессию. Но вот Амалия внезапно затихает. Ее крик сменяется смехом. Она с радостью швыряет вторую банку. На этот раз под ее рукой оказывается серебристая краска. Жестянка летит вниз, едва не нахлобучиваясь мне на голову и разбавляя черноту мерцающими «звездами».

– Супер... – бормочу, уворачиваясь от летящих брызг. Амалия смеется. А в следующий момент она уже сидит у Вовы на руках. Как он сумел быстро и бесшумно подобраться к девочке, для меня загадка. Но выглядят они довольно мило. Лишь бы они не упали...

– Помоги мне, пожалуйста.

– Как?

– Забери сестру. Встань на стол и протяни руки, я спущу ее и слезу сам. Это самый безопасный вариант. Леса закреплены неправильно и могут в любой момент рухнуть.

Киваю. Малышка начинает кукситься и тянет руки ко мне. Какая она большая стала... за полтора года.

Владимир осторожно спускает ребенка и передает мне. Ощущаю, что Амалия не только выросла, но и потяжелела. Держать ее на вытянутых руках почти нереально. Я и сама едва стою на ногах. Но к счастью, все проходит удачно. Маля что-то пытается сказать, активно жестикулируя руками. Но выходит только «Ля-ля». Так она называет меня, вернее, называла полтора года назад. Ничего не изменилось. Девочка до сих пор молчит. Издает только наборы звуков. Травма сыграла свою роль: ребенок плохо ходит и до сих пор не умеет говорить.

– Маленькая моя... – шепчу ей на ухо. – Я по тебе скучала.

Сестренка, кажется, тоже рада этой встрече. На невидимом уровне нашей родственной связи я понимаю, что она помнит. Узнала. Рада. Ее ладошки в краске, комната испорчена, а я сама похожа на полосатую зебру. Но это ерунда. Главное, она цела. Мы все целы.

– Идем. Нужно отмыть ее... и тебя заодно, – около нас возникает Владимир. Немного сомневаюсь, но отдаю ему ребенка. Посадив ее на плечо, протягивает руку, чтобы помочь мне слезть со стола. Неожиданно. Галантно. Но я не играю в эти игры: «плохой, хороший полицейский». Отвернувшись, всем видом демонстрирую, что не нуждаюсь в его помощи и легко спрыгиваю на пол.

Убедившись, что все в порядке, «супермен» молча идет в сторону ванной. Как бы мне ни хотелось, приходится топать за ним. Я не доверяю этому неоднозначному мужчине.

– Чем ты собираешься оттирать краску?

– Бензином.

– Что?!

– Очевидно, что краска хорошо отмывается бензином, уайт-спиритом, маслом, ацетоном и керосином. Из вышеперечисленного у меня есть только одно, сейчас замочу девчонку в тазике, и краска слезет. – Совершенно серьезно ставит на пол пластиковую тубу без опознавательных знаков, приводя меня в ужас. – Правда на вас двоих одной канистры не хватит, так что тебе не судьба принять «расслабляющую» бензиновую ванну. Могу отвезти на заправку и полить из шланга.

– Да ты чокнутый! – вырываю сестру из рук этого сумасшедшего качка. Недаром говорят, что избыток мышц уменьшает интеллект.

Владимир несколько секунд смотрит на меня и начинает смеяться.

– Это была шутка. Ты слишком напряжена, хотел разрядить обстановку.

Закатываю глаза. И этот человек будет опекуном моей маленькой сестрички?! Куда смотрят компетентные органы?

– Не шути так... у меня не слишком развито чувство юмора, когда дело касается моей семьи.

– А говорила, что тебе плевать на всех? – прищуривается. Оценивает.

– Ты что, долбаный Эркюль Пуаро? Какое тебе дело до моих отношений с родственниками?

– Ясно, – включает воду и сажает Амалию в таз. Прямо в детском комбинезоне!

– Ее нужно раздеть.

– Ты права. Но я не буду этого делать, – не успеваю опомниться, как в моих руках оказываются излив душа и чумакая ручка Амалии. – В канистре масло. Безвредное. Салфетки на полке. Дерзай. Заодно и сама отмойся. Я пока приберусь и запру все комнаты.

Протестовать и ругаться бесполезно. Владимир уже за дверью и судя по удаляющимся шагам, совершенно не планирует мне помогать.

– Не было забот!.. Ну и... проваливай! Мы сами справимся, – цежу, злясь на то, что, на свою беду, заехала домой. Стоило сразу же отправляться в отель.

Амалия не сидит спокойно. Она постоянно вертится, норовит выхватить шланг и облить меня. А когда я теряю самообладание, она начинает ныть и скандалить.

– Боже... ну что мне делать с тобой, мелкая?!

– Утя!

– Что еще за утя?! – сажусь на мокрый пол и обхватываю голову руками. Вокруг раскиданы промасленные салфетки, испачканные краской, а ребенок все такой же измазанный.

– У-тя, – повторяет, указывая в сторону полки с салфетками.

– Хочешь еще? На, бери все! – сую ей в руку пачку. Но девочка сердится и кидает их мне в лицо. Сжимаю зубы. Роль заботливой нянечки не по мне. Я не подписывалась на такое. Вспоминаю маму. Как ревновала, когда узнала, что у меня будет сестра. Я всегда чувствовала себя лишней. Никому не нужной. А после появления Амалии все внимание и любовь, конечно же, достались ей. И сейчас она требует этого от меня.

– Я не знаю, что тебе нужно! – стучу кулаком по луже на полу. Наверное, после этого «купания» с потолка будет течь вода.

Громкий шлепок и радостный смех заставляют вздрогнуть и обернуться. Амалия, счастливо улыбаясь, сжимает в ладошках резиновую утку, упавшую с полки.

– Утя... – произношу едва слышно. Становится стыдно за свое поведение. Она совсем малышка, а я взрослая. Я сумею. Я справлюсь.

Врубаю душ на полную и затыкаю пробкой ванну. Быстро скидываю с себя грязные вещи и наливаю детскую пену.

– Подвинься, Малек. Будем отмываться вместе. Поможешь мне?

Ребенок расплывается в улыбке и берет салфетку, прижимая к моей щеке. Улыбаюсь ей в ответ. Спокойствие. У нас все получится.

3

Спустя часа полтора мы выходим из ванной усталые, но довольные. Ташу Амалию в детскую, но меня останавливает запах свежесваренного кофе. Кажется, из кухни. Торможу и заглядываю туда, находя Владимира у новенькой плиты. Зрелище, конечно, не для слабонервных. Рукава белой рубашки закатаны, а он сам – сосредоточие тестостерона, в оболочке кофейного аромата, сносящего голову.

– Что ты делаешь?! Для этого есть кофемашина, – киваю в сторону навороченного аппарата. Вся техника и мебель блестит новизной. Но явно не для того, чтобы здесь хозяйничала Марго.

– Никакая машина не сварит такой кофе, какой делаю я.

– Да ну? – изгибаю бровь. – Ты профессиональный бариста?

– Почти...

Хмыкаю. В тех клубах, где отдыхаю я, таких не водится. Редкий... экземпляр.

– Как успехи? Вижу, не слишком хорошо.

– Где?! Я все оттерла!

– Здесь, – показывает на переносицу.

– Амалия чистая, – провожу пальцем по курносому носику.

Владимир поворачивается ко мне.

– Твой нос в краске. И веснушки.

– У меня нет веснушек, не ври.

– Черные. Сама посмотри, – подносит к моему лицу глянцевую поверхность турки. Увидев свое отражение, прыскаю. Но веселье проходит также внезапно. Чем это убрать?! Я же собиралась в клуб!

– Черт... Это навсегда теперь?!

Владимир молча ставит турку на огонь и выходит из кухни, оставляя меня в замешательстве.

– Сначала ты перекинул на меня ребенка, теперь заставишь варить себе кофе? Что потом? Грязные носки? А не пойти ли тебе...

– Куда? – возвращается с салфеткой. Лицо не выражает никаких эмоций. Он просто подходит ко мне вплотную и прикладывает салфетку к переносице. Жутко пахнет ацетоном. Но я не обращаю внимания. Меня больше волнует то, что Вова снова лишает меня возможности что-либо сказать. Хлопаю ресницами, не шевелюсь. В полотенце, намотанном на голое тело, становится тесно. Малька хмурится, чихает и дергает за махровый узел на груди, рискуя и вовсе оставить меня без «укрытия». А он все так же невозмутимо оттирает краску с моего лица, сосредоточенно закусив губу.

– Готово.

Отходит и, выбросив салфетку, возвращается к своему занятию по варке кофе, пока я неподвижно прожигаю взглядом его широкую спину. Да что со мной, черт возьми?! Из ступора выводит малышка, шлепая ладонью по щеке. Хочется сказать ей: «спасибо, что привела в чувства».

– Моя «вахта» окончена. – сажаю Амалию в кресло и зачем-то добавляю, словно оправдываясь: – мне нужно переодеться. Развлекайтесь. И не забудь, что ей скоро спать.

– Валяй, – кивает не поворачиваясь. Пожимаю плечами и ухожу. Можно вилять бедрами сколько угодно. Уверена, он не смотрит мне вслед. И даже не предложит кофе.

Возвращаюсь в комнату, ожидая увидеть его вещи. Но там – пустота.словно и ничего и не было. Унес куда-то. А чего я хотела? Тайком стащить его рубашку, пропитанную брутальным запахом альфа-самца? Бред.

Открываю окно, чтобы пустить немного воздуха и поспешно скидываю мокрое полотенце. Сморю на себя в большое зеркало. Румянец на щеках, скорее всего, аллергия на ацетон, которым он так тщательно меня растирал. Нахожу несколько пятен на груди. Воображение быстро рисует его пальцы, старательно ласкающие кожу. Буквально чувствую его дыхание, горячее, обжигающее, запретное.

Страхиваю наваждение. Нельзя идти на поводу у эмоций! Я не знаю кто он, чего на самом деле хочет и не должна опускаться до низменных инстинктов, никак иначе это не назовешь.

Надеюсь, отец отдавал себе отчет, когда оставлял на его попечительство Амалию, и ей не угрожает опасность. Но я в этом цирке участвовать не желаю.

Поспешно скрутив волосы в жгут, закрепляю на макушке и отправляюсь к шкафу. Но там меня ждет еще один сюрприз. Пустота.

– Где мои вещи?! – наскоро обмотавшись мокрым полотенцем, возвращаюсь на кухню.

– Чемодан? В детской.

– Какой чемодан?! Я имею в виду платья, майки, белье в конце концов! Ты швырнулся в моем шкафу?!

– Нет, – отрицательно качает головой. Убедительно, но... все равно не верю.

– А где же вся одежда?

– Откуда мне знать? Я только что приехал.

– Но ты был в моей спальне.

– Я выбрал ее потому, что она единственная не отремонтирована, но в то же время не выглядит жилой.

– Значит, шкафы были пусты?

– Еще раз повторяю: не знаю! Не привык шарить по чужим ящикам.

Закатываю глаза и до меня доходят его слова про чемодан.

– Постой... ты сказал, что мои вещи в детской?

– Да. Багаж, с которым ты прилетела, отнесли туда. Полагаю, что первое время вам с Амалией будет лучше спать в одной комнате. Присмотришь за ней, а я обеспечу вашу безопасность.

– Минутку... – пытаюсь сложить в уме. – Ты считаешь, что я приехала, чтобы тут жить?

– Это не так?

– Нет! К тому же если не заметил, я давно выросла из детской кроватки!

– Там есть второй ярус.

– Ты совсем дурак?

– А что?

– Ничего! Если все в порядке, то с удовольствием уступлю тебе этот замечательный «второй» ярус! – рычу и вылетаю из кухни в поисках чемодана. Придется достать что-нибудь оттуда.

Натягиваю топ-бра и шорты. Короткие. Ну и отлично. Мне нечего скрывать. Для клуба сойдет, а завтра устрою шопинг.

Оглядываю комнату. Розовые обои, картины с принцессами на стенах и куча игрушек. В понимании Владимира я застряла на этой стадии развития?

Со злостью выдавливаю тональный крем и втираю в лицо. К счастью, мое личико идеально и не требует излишних усилий. Иногда я даже подрабатываю на показах в качестве модели, для интереса, конечно. В деньгах не нуждаюсь, спасибо папочке. Он выражал свою «любовь» солидными отступными на мой счет.

Завершаю образ черными стрелками. Отлично. Не хватает только подходящих туфель. Распахиваю гардеробную, расположенную в конце коридора и попадаю в модный магазин. В шмотках Марго никогда себе не отказывала. Коробки с обувью занимают добрую половину пространства. Наугад открываю несколько, и мне везет. Вытаскиваю красные босоножки.

Абсолютно новые! Они идеально подходят к бордовому бра и сумочке. Каблук пятнадцать сантиметров не смущает. Я чувствую себя как рыба в воде. Класс.

Проверяю карту и телефон. Так и быть, чемодан оставляю здесь. В нем нет ничего ценного, кроме нескольких провокационных комплектов. Но если Вова рискнет их пощупать, то, скорее всего, перестанет предлагать мне ночевать в детской.

– У нас отбой, – замечает то, как я верчусь перед зеркалом.

– Приятных снов.

– Обычно ты ходишь по дому в этом? – скользит снизу вверх, оценивая босоножки и шорты. Взгляд замирает на лице. – Для чего ты так ярко накрасилась?

– Почему я должна отвечать на этот вопрос?

– Потому что я спросил, – хмурится и закрывает собой дверной проем.

– Ты оставил Амалию одну?

– Она заснула в кресле.

– Пропусти. Мне пора. Быть может, увидимся еще. Не сказала бы, что хочу этого... но... все возможно, – стараюсь отодвинуть его от выхода. Но Владимир слишком мощный. По сравнению с ним я – маленькая и хрупкая.

– Куда ты собралась в такой час? Полночь, время прогулок уже прошло.

– У меня большие планы. Сначала я поеду в бар, потом в клуб. Если хочешь, можешь присоединиться, – выдыхаю ему в лицо. – Ой, забыла! У тебя не выйдет. Ты занят и в ближайшие шестнадцать лет твои развлечения – подтирать сопли моей сестре. Ты же ее опекун...

– Сейчас я перенесу Амалию в детскую, а ты отправишься с нами. Почитаешь ребенку сказку на ночь и ляжешь спать, – цедит, пропуская мимо ушей мое замечание.

– Меня ждет водитель.

– Я его отпустил.

– Как?! Зачем?! – непроизвольно хватаю его за край рубашки и впираюсь взглядом в нахальные глаза. Но даже на высоких каблуках я не могу быть с ним на равных.

– Его рабочий день окончен. Да и тебе пора отдохнуть после утомительного перелета.

– Я никуда не пойду.

– Если не пойдешь сама, то я отнесу тебя силой. Как малолетнего ребенка.

– Я позвоню в органы опеки и скажу, что ты... пристаешь.

– Ты не станешь этого делать. Во-первых, потому что без моей помощи не справишься, а во-вторых, даже если рискнешь, тебе не поверят.

– Это почему?! – оскорбляюсь до глубины души. Неужели я совершенно ему не нравлюсь?!

– Потому что меня не интересуют соплячки. Предпочитаю более взрослых и опытных женщин. А они не ждут, пока я начну приставать, сами вешаются.

От такой наглости замолкаю. Он назвал меня соплячкой?!

– Что ж, тогда прошу заметить, что я – совершеннолетняя взрослая... женщина. А ты... просто зазнавшийся неудачник!

– Охотно верю и надеюсь на ваше благоразумие, мисс «взрослая», – запирает дверь и прячет ключи в карман джинсов. Туда, куда я точно не смогу пробраться без его позволения, как бы мне этого не хотелось. Ловлю глазами свою связку, брошенную на полку. Но Владимир не дурак, он успевает перехватить мою руку и заставляет разжать кулак, используя почти что болевой прием. На глаза наворачиваются слезы досады. Приходится выпустить ключи.

– Прости. Я не хотел сделать больно, не рассчитал силу. Пока завещание твоего отца не оглашено, и я не узнал правду про его смерть, настоятельно прошу тебя быть дома. Особенно ночью. В первую очередь для твоей же безопасности. Мне не нужны проблемы, да и тебе, я думаю, тоже, – он говорит это мне в спину. Потому что я не дожидаюсь его оправданий: разворачиваюсь и убегаю. Подальше от него. Бесит!

Конечно же, я не стану спать. Не дожидаясь. Быстро залетаю на второй этаж и хлопнув дверью так, чтобы не разбудить сестру, но так чтобы он услышал это, запираюсь в своей комнате. Постель не застелена, шкафы пусты. Ни намек на жизнь. Впрочем, я не собираюсь тут оставаться. Пусть думает, что я смирилась и заснула. У меня есть идея получше.

Набираю номер давней подруги и быстро договариваюсь о встрече. Компания уже собралась в одном из элитных клубов. Ребята под «градусом», поэтому ехать за мной некому. Так и быть, доберусь на такси. А дальше буду действовать по обстоятельствам.

Ставлю отметку на карте, выбирая локацию у соседнего дома, но странный таксист, как назло, подъезжает именно к моим воротам. Надеюсь, Владимир не будет выглядывать в окно... иначе возникнут проблемы.

Сбрасываю туфли и вылезая на крышу. Спасибо старинной раскидистой яблоне, которая буквально тянет свои ветви к моему балкону. Помню, как убегала на ночные прогулки, пользуясь «удобным» деревом. К счастью, окна родительской спальни выходят на другую сторону. Но сейчас родителей больше нет. А я уже не подросток... Осознание этого факта совпадает с моментом, когда под тяжестью моего веса трескается крупная ветка. И я падаю на газон, больно ударившись коленями и получив по затылку тяжелым сучком. Неужто яблоня решила меня воспитать? Ничего не выйдет. Поздно. Спешу поднять туфли и бегу по тропинке в сторону такси.

– Добрый вечер! – водитель выходит и смотрит на меня

– Тише, пожалуйста! – шикаю и, запрыгнув в тачку, оборачиваюсь на дом. В окнах нет света, значит, Владимир поверил мне и, скорее всего, лег спать. – Что стоите? Едем!

– Куда?

– В клуб! Я же уточнила адрес! – повторяю, делая скидку на то, что сейчас ночь, а он, вероятно, не «сова».

– Вы уверены?

– Что за странные вопросы?! Просто довезите меня до места. – повторяю адрес и отворачиваюсь. Беседовать я не настроена, а водитель кажется мне каким-то странным. Напишу отзыв, когда приеду.

Мужчина что-то настраивает в своем телефоне и плавно отъезжает от дома.

Выдыхаю и расслабленно откидываю голову на дорожную кожу кресла представительского салона. Кажется, удалось.

Но чем ближе к месту я подъезжаю, тем сильнее меня охватывают сомнения. Может, не стоило оставлять сестру с этим самодуром? Вдруг с ней что-то случится, пока он спит? А если он маньяк? Нет. Я видела его документы и бумаги из органов опеки. Не знаю, как все это происходит, но если ему отдали ребенка, значит, он вменяемый и относительно надежный человек.

«Какая ты взрослая». «Я друг твоего отца». «Мы служили вместе». «Я знал твою маму». Напрягаю память, пытаюсь вспомнить.

Кто же ты такой, Владимир Келлер? Есть ли у тебя любимая женщина? Семья? Дети? Работа? И что собираешься делать дальше?

– Приехали, – водитель открывает для меня дверь, вырывая из мыслей.

– Спасибо.

– Вас сопроводить? Подождать?

– Что за дешевый подкат?! Я буду жаловаться! – кидаю ему в лицо, а он бледнеет.

– Простите...

Не слушаю, что бормочет мне вслед. Сразу же забываю про него и про то, что хотела написать гневный отзыв в службу такси. Меня поглощает атмосфера ночной жизни и толпа.

Знакомая вывеска, пафосные лица, ждущие у входа. Девицы, в поиске удачной партии на всю жизнь. И мужчины, ищущие приятной компании на ночь. Их интересы никогда не пере-

секутся. Каждый ищет что-то свое. И только я как белая ворона среди стервятников. Прохожу фейсконтроль, и меня поглощает плотный дым клуба.

– У вас бронь?

– Нет, но меня ждут.

– За каким столиком?

– Сейчас узнаю, – хмурюсь и быстро пишу подруге.

Через некоторое время приходит ответ:

«Прости, Ляль, мы уехали в другой клуб. Здесь стремная музыка... я думала, ты будешь долго собираться и не предупредила тебя».

– Где вас ожидают?

– Вышло недоразумение. Пока я пойду к бару.

– Приятного вечера.

Заказываю фреш, раздумывая над тем, как поступить. С одной стороны, сидеть в одиночестве, потягивая растаявший лед и ловя на себе сочувственные взгляды бармена, не то, о чем я мечтала. К тому же музыка, действительно, полный отстой. Но с другой стороны... ребята не предупредили меня, и это навевает определенные мысли.

Но вскоре подруга присылает новую геолокацию, и я решаюсь поехать дальше. В последний момент меня останавливает знакомый голос.

– Храмова? Ты ли это?

На стул рядом со мной плюхается Давид – один из тех, с кем я гуляла раньше.

– Привет.

– Ты одна?

– Пока да.

– Ждешь подругу?

– Нет. Собираюсь в другое место.

– Да ладно? Оставайся. У нас вип-зал наверху. Не хватает только тебя.

– А кто с тобой?

– Ребята из универа. Идем, познакомлю. Зачетные. Тебе понравятся. К тому же там есть один человек, которого ты знаешь... и он будет рад тебя увидеть.

– Кто?

– Сюрприз.

– Ладно. Но недолго, потому что меня ждут. – Беру сумочку и следую за Давидом. Уехать еще успею.

Чем выше поднимаемся, тем слабее освещение.

– Давай руку.

– Уверен, что мы идем в правильном направлении?

– Ну да. А что?

– Ничего.

В конце узкого коридора виднеется дверь. Давид открывает ее и пропускает меня вперед. Попадаю в мини-зал, отделанный красным бархатом. По центру располагается круглый стол, заставленный всевозможными напитками. Из него «вырастает» пилон, на котором танцует длинноногая девица. По краям стола сидят незнакомые парни. Они оборачиваются и оценивающе смотрят на меня, анализируя, кого привел их друг.

– А где ваши девушки? – задаю резонный вопрос.

– У нас мальчишник.

Толкаю его, получая в ответ залиvistый смех.

– Что? Когда тебя смущала мужская компания, Ляль?

– Компания нетрезвых незнакомцев? Хорошего же ты мнения обо мне, Давид... – разворачиваюсь, чтобы уйти, но парни уже заинтересовались моей персоной. Музыка становится тише и один из них, видимо, главный, встает и подходит ко мне.

– Привет. Куда ты так быстро? Мы даже не успели познакомиться.

– Лейла.

– Алик.

– Ну все, теперь пока.

Он оценивает мою шутку, начиная смеяться.

– Супер, Лейла. Ты мне нравишься.

– Прости Алик, но Давид не предупредил, что у вас мальчишник. А я пришла отдыхать.

– Оставайся. Разбавишь нашу мужскую компанию своим девичьим присутствием. Будет скучно, уйдешь.

– Заходи, не бойся, – кивают парни. Кажется, они относительно трезвые.

– И где же сюрприз, который ты мне обещал? – обращаюсь к Давиду.

– Немного терпения. Сейчас придет. Садись. Угостись чем-нибудь...

– Что предпочитаешь?

– Свежевыжатый сок.

Новая порция хохота.

– Сок, значит, сок, – соглашается Алик.

– А вот и он, – кивает на вход. – Не пришлось долго ждать.

– У! Наш жених явился!

Поворачиваю голову и вижу своего бывшего парня. Мы смотрим друг на друга, и меня переполняет злость. Я знала, что Андрей с Давидом учатся вместе, но что они друзья...

– Значит, жених? – первая прихожу в себя.

– А ты в стриптизерши подалась? – неудачно шутит Андрей. Он, в отличие от друзей, уже дошел до определенной кондиции.

– Идиот! И ты, Давид не лучше! Я уйду.

– Ну уж нет. С моего мальчишника телки уходят тогда, когда я решу.

– Отвали, Андрей! Я не собираюсь удовлетворять твои комплексы. Пусть это делает твоя невеста.

– Плевать на нее. Люблю-то я до сих пор тебя! Но ты укатила от меня на два года! – резко хватает меня за руку и притягивает к себе.

– Андрюх, оставь девочку. Шутка не удалась... Сорри.

– Иди на хрен, Давид. Я эту девочку... давно собирался... – не договаривает. Чувствую резкий запах алкоголя около своего лица. Андрей невменяем, когда пьян. Становится страшно. Но никто не спешит меня выручать.

– Отпусти! – стараюсь вырваться, но Андрей сильнее, и я лечу на диван. Кто-то из парней хочет вмешаться. Или присоединиться к виновнику торжества. Собираюсь оттолкнуть озверевшего жениха, но кто-то меня опережает и буквально стаскивает его с меня, сопровождая свои действия такими словами, что мои нежные уши готовы отвалиться.

Следом за Андреем в сторону летят Алик и Давид. Не знаю, справедливо или просто «за компанию» мой спаситель «навешивает» парням, раскидывая их по залу как щенков. Интересно, кто это такой сильный и смелый? Осторожно приподнимаюсь над столом и вижу белую рубашку с закатанными рукавами. Как же красиво двигается этот парень.

Не вижу лица среди дыма и полумрака. Приглядываюсь. Луч прожектора падает на его кулак. Кажется, я уже видела эту татуировку со змеей, опоясывающую запястье. Боже... это Владимир?! Как он сюда попал? Как выследил меня?! Он же покалечит этих сосунков!

Вскакиваю и бросаюсь в самую гущу. Вижу, что лицо Андрея разбито, но это не останавливает «супермена». Парни с ужасом смотрят на то, как Вова «воспитывает» моего бывшего, но не решаются остановить. Они уже получили свое и не хотят повторения.

– Хватит! Перестань! Ты же убьешь его! – отвлекаю Владимира. Андрей повел себя как животное, но по заслугам он уже получил. Достаточно.

Мой голос приводит «защитника» в чувства. Он перестает махать кулаками и бросает на меня взгляд, наполненный яростью. Сейчас Владимир не выглядит спокойным как дома.

– Бери сумку и пошли. Немедленно.

Слабо киваю, напуганная его тоном и выражением лица. Никогда еще я не видела таких дьявольски опасных глаз.

– Я тебя достану... – слышу вслед запинаящийся голос Андрея. Значит, он жив, раз может шевелить языком. Отчаянный камикадзе... нужно как можно скорее увести отсюда Вову!

– Все в порядке, Владимир Романович? – вежливо интересуются бугаи на входе, с любопытством посматривая на меня.

– Да. Уберитесь наверху и отправьте неразумных «детей» по домам, – сует парням пачку денег, и те коротко кивают.

Мы оказываемся на улице, и меня пробирает дрожь. Сознание постепенно приходит в себя после чудовищного происшествия. Я не знаю, о чем больше сожалею: что пришла к парням, потеряв бдительность, или что Владимир выследил меня и наказал таким способом.

– Чего добилась? Заставила меня вступить в «неравный» бой.

Молчу. Их и правда было много, но «бой» не показался мне неравным.

– Обычно я не связываюсь с малолетками. Но из-за тебя... пришлось, – не заканчивает. Чувствую себя погано. Тело сотрясает крупная дрожь.

– Ты следил за мной?

– Если бы я не успел, они бы тебя по очереди... – снова прерывается сплевывая. Продолжать и не надо. Я прекрасно понимаю, чем все закончилось бы, если бы Владимир не вмешался. И от этого еще хуже. Обхватываю себя руками. К горлу подкатывает тошнота.

– В машину садись.

Вижу у входа в клуб огромный дорожный джип. Почти танк. Он брошен посреди дороги, полностью игнорируя правила парковки. Почему-то я сразу понимаю, что машина принадлежит Вове. Иду в сторону тачки, едва держась на ногах.

Владимир открывает мне дверь и убедившись, что я села, обходит машину и плюхается на сиденье. А затем молча пристегивается и нажимает на кнопку, заводя мотор. Сейчас он выглядит спокойным. Удивительно, как быстро меняется его настроение!

Несколько секунд раздумываю, а потом внезапно шепчу, не ожидая от себя такого:

– Отец Андрея достаточно влиятельный человек... У тебя будут проблемы из-за меня.

Вова медленно поворачивается в мою сторону и удивляет меня еще сильнее, начиная смеяться.

– Что веселого я сказала?!

– У меня не бывает проблем, детка. Они могут возникнуть только у тех, кто делает что-то наперекор мне. Так что не советую нарываться. Тебе сегодня крупно повезло. Я надеюсь, ты поняла это, сделала соответствующие выводы и избавишь меня от необходимости приставлять к тебе охранника.

– Охранника?! Зачем? – беззвучно повторяю, поднимая брови.

– Чтобы тот отгонял всех подозрительных типов, которые рискнут косо посмотреть в твою сторону, – кидает на меня взгляд, наполненный каким-то странным огнем. Не знаю,

серьезно ли он сейчас, но проверять на собственной шкуре нет никакого желания. Я видела, как Владимир поступил с Андреем. Этот кошмар еще долго будет преследовать меня ночами.

«Супермен» включает печку на максимум, замечая, что я дрожу. Теперь уже от осознания того, что Владимир на полном серьезе собирается посадить меня под замок. Сумасшедший дом какой-то! Выдыхаю. Нужно успокоиться. Он просто шутит. Конечно, ведь у него тоже стресс.

– Сейчас нагреется. Накинь, – достает с заднего сидения что-то похожее на кожаную куртку. Прижимаю к себе, вдыхаю запах. Пахнет дорогим парфюмом, смесью кожи и цитруса. Это Вовина куртка, сто процентов. От этой мысли почему-то сразу становится теплее, даже жарко. Удивляюсь своим ощущениям.

– Лучше?

– Да... спасибо.

Оставляет без комментариев. Сосредоточен на дороге, будто бы специально не смотрит на меня.

– Боже... а где Амалия?! – вздрагиваю. – Ты оставил ее одну в огромном доме, полном опасностей?!

– Нет. Она не одна.

– А с кем?! Как ты меня нашел вообще? Видел, как я ушла?

– Нет.

– Я требую более развернутого ответа!

– Она дома с моим помощником.

– Что еще за помощник? И как он оказался в моем доме посреди ночи? Почему тебя знают охранники клуба? Откуда у «бариста» такая дорогая тачка и физподготовка спецназовца? Кто ты?!

– Слишком много вопросов. Не кричи. Башка разболелась. Дай спокойно доехать, – делает музыку громче и откидывает затылок подголовник, давая понять, что разговор окончен.

– Да ты... почему не хочешь нормально поговорить? Ответь мне! Ты что следил за мной?

Молчит. Даже бровью не ведет. Начинаю беситься от его холодного равнодушия. Хочу вывести его на контакт.

– Зачем ты вообще приперся в клуб? Я и сама бы справилась! Между прочим это мой бывший! Он просто шутил...

Сжимает руль. Больше никаких проявлений напряжения. Да что за?!

– Вова!

Сгребаю в руку его куртку и со всего маха швыряю ему в лицо, закрывая обзор и выводя из себя. Действую на эмоциях, не думаю о последствиях. Из-за моего проступка Владимир все-таки теряет бдительность, дергая руль. Машина виляет, попадает в яму от водосточного люка, подпрыгивает и задевает дорожный «конус».

Закрываю глаза, представляя, что сейчас произойдет что-то ужасное. Но ничего не происходит. Тачка останавливается, отбрасывая меня вперед, но ремень безопасности удерживает меня от удара, больно впиваясь мне в грудь. Звонящая тишина нарушается звуком клаксонов, проезжающих мимо машин. Нам сигналият, но, к счастью, в это время суток не слишком активное движение и нас удастся объехать. Повезло. Второй раз за ночь.

– Извини...

Медленно поворачиваю голову, с опаской глядя на Владимира. После такого я сама себя готова хорошенько отлупить. Но он шумно сглатывает и, быстро убрав куртку на заднее сидение, осторожно выруливает на дорогу. Его хладнокровие добивает. И если бы я не видела его лицо в клубе, то решила бы что он – не человек, а «терминатор».

Остаток пути до дома мы едем в гробовом молчании. Даже музыка не играет. Ничего. Сплошная гнетущая тишина. Это затишье перед бурей? Или до него дошло, что со мной нет смысла связываться и он решил отступить?

– Надеюсь, ты не станешь делать глупости и ляжешь спать, – единственное, что он говорит, открыв дверь и пропустив меня в дом.

Не отвечаю. Иду в детскую, чтобы убедиться в безопасности сестры. Дверь в комнату приоткрыта. Заглядываю и замираю в шоке.

Ребенок спит. Кажется, даже улыбается во сне, обхватив любимого плюшевого зайца. Меня приводит в смятение вовсе не это. А то, что на кресле рядом сидит тот самый «шофер» из такси, который подвозил меня в клуб.

– Лейла Егоровна? Как прошел ваш вечер? – при виде меня «таксист» встает по стойке смирно и задает глупый вопрос. Но я не была бы собой если бы сделала любезное лицо и ответила в том же духе. Напротив, заподозрив неладное, хватаю его за край пиджака и указав кивком на дверь, тяну в сторону коридора. Он пожимает плечами и следует за мной.

– Как тебя зовут, нянька-таксист? – спрашиваю, выставив его за дверь.

– Игорь.

– Во-первых, Игорь, сделай одолжение, не называй меня по отчеству. Это смешно! А во-вторых, объясни по порядку. Как вышло, что ты так быстро переквалифицировался из водителя в сиделку?

– Я не сиделка, и не водитель.

– А кто?

– Дед Пихто, – гаркает Вова. Вздрагиваю, чуть не падая в обморок. И как он сумел незаметно подобраться сзади? – отправляйся на свое место, шагом марш.

– Да, Владимир Романович, – без лишних слов, почти строевым, спускается по лестнице и уходит. Оставляя меня в растерянности смотреть вслед и гадать.

– Надеюсь на адекватное объяснение происходящего.

– А я надеюсь, что ты просто дашь мне хоть немного поспать.

Только сейчас замечаю в руках нечто, напоминающее матрас. «Супермен» невозмутимо кидает его на пол перед дверью в детскую.

– Почему ты не ляжешь в комнате?!

Закатывает глаза и пытается объяснить мне «очевидные», с его точки зрения, вещи.

– В комнатах ремонт, а на втором этаже слишком далеко до детской. Мне хватит на сегодня впечатлений.

С этими словами он расстегивает пуговицы на рубашке и аккуратно складывает ее на стул. А затем также невозмутимо ложится на пол. Перевожу взгляд на рубашку и замечаю, что рукава испачкались в ходе драки. Нужно постирать. Перешагиваю «спартанский» ночлег, чтобы пойти к себе. Вот только Владимир не позволяет мне уйти.

– Пусти! – дергаюсь вперед. Но, похоже, что он специально держит меня за туфлю! От неожиданности теряю равновесие, падая на пол. Точнее, на Вову. Он успевает поймать меня, прежде чем я оцениваю мягкость его импровизированного матраса.

Ситуация могла бы показаться мне очень пикантной: горячий мужчина, материализовавшийся из самых запретных фантазий и обнимающий меня за талию прямо на полу в холле моего дома. О чем еще можно мечтать? Но я слишком зла. Поэтому отталкиваю его, шипя и брыкаясь.

– Какого черта ты творишь?

– Нужно было позволить тебе рухнуть? – поднимает брови. Всего на долю секунд в его глазах вновь вспыхивает этот дьявольский огонь, но тут же скрывается за маской безразличия, еще сильнее раздражая меня.

– Не надо меня сдерживать! Что ты вообще себе позволяешь?! – упираюсь кулаками в его грудь, а сама понимаю, что мне безумно хочется коснуться его татуировки с крыльями. Ладони потеют, а сердце заходится в лихорадочном ритме. Он горячий! Какой же он горячий! А этот запах... Черт возьми, что у него за духи? Феромоны? Афродизиак? Они, вероятно, и есть его секретное оружие: парализуют «добычу», превращая любую девушку в податливую и безвольную куклу, готовую на все.

– Вообще-то, это ты на мне сидишь. Я тебя не держу. И уж тем более не хватал, – заявляет, смотря куда-то мимо меня. Избегает прямого контакта.

– Тогда почему же я упала? – медленно поворачиваю голову. Туфля, слетевшая с ноги, прочно зацепилась за дыру в матрасе тонкой шпилькой. Значит... это не Вова? А я-то думала... вот же идиотка! Осознание приводит в чувства.

– Не умеешь ходить на каблуках, носи кеды, либо ходи в каске, – дает глубокомысленный совет.

– Это ты виноват. Нечего преграждать путь, мог бы лечь в уголке, а не посреди коридора. Понаехали... всякие... – фыркаю и, резко поднимаясь на ноги, выхватываю туфельку из ловушки. Да уж... если бы Золушке попался такой «принц», как Вова, то злобная мачеха показала бы ей феей крестной, и бедняжка в ужасе сбежала в свою каморку, прихватив тыкву и крыс, давая зарок никогда не выходить замуж.

С этими мыслями я поднимаюсь на второй этаж, принимаю душ, стираю косметику, чищу зубы и... решив, наконец, лечь спать, с досадой замечаю, что дверь в мою комнату заперта. Боже... ну за что мне это наказание?

– Где ключи?!

– В надежном месте.

– Открой. Я не шучу.

– Нет.

– Но почему?!

– Не хочу, чтобы ты снова сбежала.

– Я никуда не сбегу! – проверяю спальни одну за другой. Все заперто, кроме ванной. Гад! Да он издевается?!

– Прости, детка, но я тебе не доверяю.

– Предлагаешь мне лечь рядом с собой на полу?! – выпаливаю, прежде чем подумать головой.

– Это исключено. Я предпочитаю спать один. Так что ложись в детской.

– Упырь, – шиплю, вновь и вновь бессмысленно дергая ручку. Но она не поддается. Усталость и стресс от последних событий напоминают о себе внезапной потерей сил. Понимаю, что готова и впрямь растянуться на коврик у двери, лишь бы отдохнуть. В принципе, детская не самый плохой вариант. В конце концов, там есть кровать и подушка. И даже может быть, найдется чистое постельное белье.

Вздыхаю и снова плетусь на первый этаж. Бросаю взгляд на неподвижно лежащего Владимира. Глаза закрыты, дыхание ровное. Делает вид, что заснул, чтобы не разговаривать со мной? Упырем не обязательно спать! Держу пари, он просто прикидывается и в любой момент готов вскочить с места, чтобы продолжить издеваться.

Ладно, сейчас просто пройду мимо, хотя очень хочется надеть ему на голову детский горшок. Я обязательно сделаю это завтра. А пока, пожалуй, прилягу. Со всей этой хренью я совершенно забыла про оглашение завещания. Я должна прийти к нотариусу с ясной головой. А для этого нужно хоть немного поспать.

4

– Подъем, – слышу над ухом голос «альфа-самца».

Мне показалось? Натягиваю подушку на уши и отворачиваюсь к стене. А в следующий момент чувствую, как с меня сползает одеяло. Прохладно и сонно. Не хочу просыпаться!

Пытаюсь рукой нащупать край пледа, чтобы вернуть его на место, но упираюсь во что-то твердое. Слышу, как Владимир откашливается, и моя рука повисает в воздухе, лишившись «опоры». Интересно, во что это я уперлась? Пресс? Или у него есть что-то более твердое? От этих мыслей сон пропадает.

– Доброе утро.

Открываю один глаз. Владимир стоит боком и почему-то не смотрит на меня.

– Не уверена, что утро, начинающееся в семь, может быть добрым, – сладко потягиваюсь. Такое «ложе» на одну ночь сойдет, но все-таки мне нужна кровать побольше.

– Оденься... и приходи на кухню, – бросает и быстрым шагом покидает комнату. Опускаю глаза. Похоже, что я случайно «позабыла» надеть пижаму. Мысль, что Вова видел меня в таком интересном ракурсе, забавляет и придает утру хоть немного позитива.

Вчера в гардеробной я заметила красный шелковый халатик... думаю, отлично подойдет на мою фигуру. Рите он все равно в ближайшее время не понадобится.

Амалии в комнате нет, нет ее и на кухне. Только Вова сидит за большим столом. Хмурый. Что ж, хоть какие-то эмоции.

Несколько секунд наблюдаю за ним из коридора. У него красивое лицо. Правильные черты лица. И очень соблазнительные губы. Сейчас на нем футболка черного цвета. Оказывается, черный цвет может украшать... как же хорошо она подчеркивает его мышцы...

– Заходи. Я тебя не съем.

Краснею. Черт! Он заметил, что я наблюдала за ним!

– Где моя сестра? – решаю сменить тему, делая равнодушное выражение лица.

– Гуляет с Игорем.

– В такую рань?

– Я прочитал, что детям полезно спать на свежем воздухе.

– Но я видела коляску дома.

– Она спит в своей кровати.

Наверное, у меня на лице сменяется весь спектр эмоций. Подхожу к окну и вижу, как «нянька-таксист» стоит под яблоней с веткой в руке. Рядом с ним детская кровать. Как удалось вытащить ее на улицу, не разбудив Амалию, меня, и не разбив косяки, одному Богу известно.

– Почему он машет веткой? – окончательно впадаю в ступор.

– Отгоняет комаров.

– У нас не бывает москитов.

– Ему же надо что-то делать, – невозмутимо отвечает Вова. Не могу понять по его лицу, прикалывается он или говорит на полном серьезе. – Садись.

Отдвигаю стул.

– Есть хочешь?

– Ага.

Молча ставит передо мной сковороду с яичницей и пару ломтиков поджаренного хлеба. Красиво выглядит, как на картинке. Он умеет готовить?! Ну нет, не может быть. Так не бывает. Наверное, Игорь приготовил.

Снова смотрю в окно. Парень с веткой напоминает мне Алешу Поповича из мультика. Такое же «глубокомысленное» выражение лица. Нет. Яичницу все-таки готовил Вова.

– Я это не ем. Как и мясо, молоко и прочие животные продукты, – демонстративно морщу нос.

– Как хочешь, – равнодушно забирает обратно. – А я, пожалуй, позавтракаю.

Со скоростью звука сковородка оказывается пустой. Слышала, что в армии едят, пока горит спичка. Так вот, Вова, по-моему, успел бы опустошить тарелки у целой роты, за время, пока спичку только начали бы поджигать.

– Нужно быть у нотариуса в десять. У тебя час на сборы. Если есть вопросы, задавай, по-быстрому.

– Ты женат?

Брови Владимира ползут вверх. Ясно, что такие, как он, не ограничиваются одной партнершей. Но все-таки я не могла не спросить.

– Это единственное, что тебя волнует?

– Нет. Мне очень интересно, где еще у тебя татуировки, сколько их, и что означает надпись под крыльями.

– Точно не считал. Если у тебя на этом все, то спрошу я: у твоего отца были враги?

Сжимаю в руках чашку. Мой папочка не был ангелом. К тому же он работал в законе и пересажал целую кучу народа. Естественно, у него были недоброжелатели. Но вот насчет врагов...

– Понятия не имею. Как уже было сказано, я не общалась с отцом и не вникала в его дела, – отрезаю. Вести разговоры «по душам» с самого утра не входит в мои планы.

– Почему вы не ладили? Из-за его новой жены?

– Какое тебе до этого дело?

– Хочу выяснить, почему он погиб.

– На это есть частные детективы и следственный комитет. Пусть разбираются. Или ты один из «этих»? – прищуриваюсь, оценивая свою догадку.

– Нет, не из «этих».

– Почему мой отец выбрал именно тебя?

– Я не знаю. Думаю, логичнее было бы отдать Амалию мачехе. Рите. Ты так не считаешь?

– Этой проходимке?! Да ее должны посадить в тюрьму за то, что она водила за нос моего отца.

– За это не сажают.

– Значит, пусть посадят за мошенничество!

– В чем?

– Что тут непонятного? Она женила его на себе, чтобы получить наши денежки.

– Это называется брак по расчету. Если бы за него наказывали, то не осталось бы людей без судимости.

Отмахиваюсь. Наш разговор ни к чему не приведет.

Нахожу в холодильнике банан и запихиваю в рот. Единственное «съедобное», что обнаруживается на кухне.

– Если ты планируешь ехать со мной, то тебе пора. Время на сборы почти не осталось.

– Это Игорь вчера сообщил тебе мои координаты? – оборачиваюсь, не доходя до двери.

– Да.

Так и думала! Значит, я села не в ту машину. «Повезло». Вот почему водила так странно себя вел. Пролистываю вкладки на экране мобильного. Уведомления от сервиса такси: «заказ отменен исполнителем». Причина: «долгое ожидание клиента». Удивительно, что за мной должен был подъехать очень похожий автомобиль... Вот только я перепутала тачки, торопясь и не посмотрев на номера!

– Ты сказал, что Игорь – твой помощник... Чем конкретно он занимается?

– Профессиональный телохранитель.

Чашка едва не выпадает из рук. Наверное, Вова держит меня за дуру. Такому мужику, как он не нужен охранник, Вова сам кого угодно пришлет и не заметит.

– Очень остроумно. Не рассчитывай, что я стану отвечать на твои вопросы, пока ты игнорируешь мои. Игра в одни ворота не про меня.

– А ты знаешь, что мозги варят лучше, если есть мясо. Так что...

Сначала решаю не отвечать. Но меня переполняет возмущение, поэтому бескомпромиссно заявляю:

– До нотариуса я доеду сама. Можешь не ждать.

Собираюсь уйти. Хорошего завтрака не случилось, разговора тоже.

– Лейла, стой! – окликает. Ноги непроизвольно притормаживают, и я оборачиваюсь. Неужели у него проснулась совесть? – Надеюсь, Амалия, в отличие от тебя не веган? Или ты только что слопала ее завтрак? – смотрит на шкурку от банана, которую я не выбросила в урну.

– Нет.

– А не подскажешь тогда, что едят двухлетние девочки?

– То же, что и мальчики.

– А что едят мальчики?

– Загугли. Ты же в этом спец.

Отворачиваюсь и ухожу. Один-один

5

Бросаю взгляд на часы и понимаю, что заигралась.

Видимо, Владимир все-таки не стал меня дожидаться. Я всеми силами тянула время, чтобы его позлить. Но терминатор оказался с железными бубенцами и даже не зашел ко мне, чтобы сообщить, что уходит.

И вот доигралась... сейчас у меня нет ни секунды! Поспешно заказываю такси, но чертотовы тачки не умеют летать. Ожидание подачи десять минут... пятнадцать... ищем подходящий автомобиль...

К черту! Выскакиваю на улицу, чтобы поймать попутку, и сталкиваюсь с Игорем.

– Ты чего тут делаешь?!

– Жду вас.

– Зачем?

– Отвезти к нотариусу.

Очевидно, Вова «позаботился». Впрочем, выбирать не приходится. Вряд ли я смогу найти более оперативного водителя.

– Ладно. Вези.

Парень открывает передо мной заднюю дверцу. Но у меня есть идея получше. Обхожу тачку и сажусь вперед.

– Пристегнитесь, пожалуйста, – косится в мою сторону. Еще бы: я почти легла на сиденье и вытянула ноги, едва прикрытые мини-юбкой.

– Едем, или будешь на меня глазеть?

– Простите...

– Слышь, Игорек... А давай на ты? Я тебе уже вчера говорила об этом, – меняю «гнев» на «милость».

Молчит.

– Расскажи о себе.

– По инструкции не положено.

– По какой еще инструкции?!

– По рабочей.

– Я тебя не нанимала. Со мной можно, – откидываю волосы и выставляю грудь вперед. Обычно это действует на парней.

– Владимир Романович не велел с вами беседовать. А я своей работой дорожу, – уже не так уверенно отвечает.

– А мы ему не скажем.

Молчит. Упрямый.

– Тебе нравится быть его песиком? Посмотри на себя, с такой-то внешностью, фигурой и умом... ты достоин большего! Ты сам – хищник! Аррр! – изображаю пантеру, выпускающую когти.

– Лейла Егоровна... спасибо, конечно...

– Лейла, – кладу руку ему на бедро. Какая же дрянная я все-таки девчонка! Игорь старается быть серьезным, но руку мою не спешит сбросить.

– Что вы от меня хотите?!

– Информацию. Сам подумай, я до сих пор не знаю, кому доверили мою маленькую сестру! Этот человек совершенно не желает идти на контакт! Я так волнуюсь...

– Вам не о чем беспокоиться. Владимир Романович – прекрасный специалист.

– В какой области, стесняюсь спросить? – убираю руку, меняя тон.

Игорь поворачивает голову.

– Он что, вообще ничего не сказал о себе?

– Нет.

– Владимир Романович – первоклассный боец, воевал в горячих точках. Быстро дослужился до высокого звания, у него даже награды имеются... – спохватывается, что может наболтать лишнего, и прикусывает язык, разочаровывая меня.

– Подумаешь... награды, – делаю равнодушное лицо. Игорь «клюет».

– Я даже не берусь считать, скольких людей он спас! А уж скольким помог... Свои жизни ему доверяют очень, даже ого-го какие высокопоставленные лица... – делает многозначительную паузу. – У него свое агентство, известное и за пределами страны. Так что за вашу сестру не переживайте. Она в надежных руках.

– Сколько же ему лет? Судя по перечисленным достижениям не меньше полтинника? – удивляюсь. Вова вовсе не выглядит старичком. Только выражение лица, выправка и стать, с которой он себя преподносит, выдает то, что он далеко не сосунок.

– Сорок. Почти. Исполнится на днях.

– Хм. То есть еще пока тридцать девять? – уточняю, словно это имеет огромное значение. Не знаю, много это или нет. В два раза старше меня, но младше моего отца.

– Если быть точным. То да. Мы подъезжаем.

– Вижу, спасибо, – собираюсь выходить.

– Лейла...

– Что?

– Могу я быть уверен, что этот разговор...

– А разве мы говорили не о погоде? – символично запираю рот на замок и выкидываю ключ. Игорь, кажется, расслабляется и выдавливает улыбку.

На парковке замечаю Вовин танк. Значит «герой» уже приехал. Кто бы сомневался... мысленно усмехаюсь, но почему-то радуюсь факту, что он тоже будет там. Я не одна.

Но моя радость не слишком долгая. Его «дом» на колесах такой огромный, что за ним не сразу видно маленький спортивный автомобиль розового цвета. Ужасный поросячий оттенок могла выбрать только она. Моя мачеха – Маргарита.

Несколько секунд молча смотрю на кабриолет чертовой барби и борюсь с желанием нацарапать ей что-нибудь неприличное на весь бампер. Но у меня при себе нет ничего подходящего, а время стремительно приближается к часу X. И если Ритуля действительно вышла на свободу, чтобы узнать, сколько отписал ей покойный муженек, то в ожидании, она наверняка не теряет времени даром. Скорее всего, красотка «обрабатывает» Владимира. А может, он, как и все «наивные» мужики рад стараться! Уже купился на ее силиконовые буфера и сам «обрабатывает» ее, где-нибудь в одном из служебных помещений. От этой мысли к горлу подкатывает тошнота. Я представляю их во всех красках своего бурного воображения и уже готова вцепиться в ее белобрысую шевелюру. За отца. Конечно же. Только за него!

Мечтая выцарапать ей глаза и заочно приговорив Вову к лишению мужского достоинства, я забегаю в зал, почти оторвав ручку у двери.

– Лейла Егоровна. Мы вас заждались. Здравствуйте.

Осматриваю собравшихся. Главный с бумажкой – нотариус отца, стоит у стола. Рита сидит на диване, положив ногу на ногу, и тербит браслет. Как же так?! Почему ее выпустили?! Эта гадина здесь, а вот Владимира не видно. Неужели я ошиблась, и он не придет?

При виде меня Марго вскакивает, делая самой прискорбное лицо из всех возможных и, сотрясаясь в рыданиях, буквально падает на мою грудь. С такими актерскими способностями ей нужно в Голливуд.

– Что ты здесь делаешь?! Твое место в тюрьме!

– Лейла, о чем ты говоришь?! – удивленно отстраняется, шмыгая носом и размазывая по лицу тушь.

– Не стоит строить из себя святошу. Все прекрасно понимают, кто ты такая на самом деле! Это ты отравила моего отца!

– Не говори так! – девушка отшатывается от меня и заливается крокодиловыми слезами еще сильнее.

– Надеюсь, что сгниешь за решеткой!

– Я невиновна! У меня есть алиби! А ты просто ненавидишь меня...

– Прошу вас иметь уважение друг к другу и оставить личное на потом, – откашливается нотариус.

– Простите... – всхлипывает, бросая в мою сторону многозначительные взгляды. Мысленно показываю ей средний палец и отворачиваюсь.

– Садитесь, пожалуйста, и приступим.

– Больше никто не должен подойти? – спрашиваю, делая равнодушный голос и заставляя себя спокойно находиться рядом с этой стервой.

– А кого ты еще хочешь дожидаться? – вместо него отвечает Вова, выходя из-за угла.

– Вижу, что тут, наоборот, слишком много лишних людей. – фыркаю и демонстративно отворачиваюсь.

Он оставляет без комментариев мой выпад и останавливается около стола. Скрестив руки на груди, смотрит на то, как ведет себя Марго. А буквально через минуту в кабинет вбегает Игорь. У него на руках моя сестра. Передают ее друг другу, как Олимпийский огонь...

Заметив ребенка, Рита тут же вскакивает и подходит к Игорю. Видимо, хочет сыграть роль заботливой мачехи. Но, при виде нее Амалия показывает истинное положение вещей: не улыбается, а начинает плакать и тянет ручки ко мне. Меня снова переполняет раздражение и злость. Нужно скорее забрать сестру от этих... людоедов.

Оказавшись у меня, Амалия успокаивается и начинает исследовать мои украшения. Крупные серьги – лучшее занятие для ребенка. Как же весело их дергать!

– Хорошо... только не оторви мне уши... – шепчу ей, поглаживая по кудрявым волосикам и бросая нетерпеливые взгляды на нотариуса.

– Если не возражаете, я начну, – уточняет, и, дожидаясь согласия, продолжает: – прошу вас предоставить для проверки ваши документы. Затем мы вскроем конверт, составим протокол... – начинаются нудные и очень длинные «телодвижения». Меня клонит в сон. Если бы не сестра, я захрапела бы в голос.

Отец был суперуспешным и востребованным адвокатом со своим штатом юристов. С самого моего рождения он мечтал впихнуть в свое дело и меня. Для этого папочка впитывал мне любовь к букве закона с молоком матери. Настолько «пропитал», что полезло из ушей. Я ненавижу все, что связано с документами, статьями и прочим. Меня начинает тошнить от одного слова «закон».

– Лейла Егоровна, вам все понятно?

– Пока да.

– Тогда продолжим.

Вопрос о моем образовании никогда не поднимался. Отец даже не допускал мысли, что я не хочу идти по его стопам. Он всеми силами готовил меня в бой. Сначала школа с правовым уклоном, а потом и колледж. Дальше по его плану был... ну конечно, юридический факультет самого престижного вуза! И желательно наиболее удаленного от дома, чтобы подольше не видеть меня и убедиться, что доченька как заправский боец вы зубрила все части конституции, гражданского и Уголовного кодекса, а также историю всех стран мира.

– Я не совсем понимаю... – лепечет Марго, бросая встревоженные взгляды на конверт и вскакивая с дивана.

– Что конкретно вам не ясно? Егор Алексеевич изъявил желание разделить имущество между своими детьми поровну.

– Неужели в завещании нет ни слова обо мне?!

– Вы не дослушали до конца.

– Простите... это нервы.

Закатываю глаза. Тупая. Как пробка. Не понимаю, каким дурманом она опоила папеньку, когда он решил вести ее в ЗАГС?

– Своей жене, Маргарите Храмовой, Егор Алексеевич завещал денежную сумму, находящуюся на специальном счете в банке, а также квартиру, которая была куплена в браке.

– А фирма?

– Делами фирмы по воле усопшего будет заниматься старшая дочь.

– О нет... – одновременно выдыхаем мы. Радует, что папочка не поспешил и не забыл, что благосостояние и будущее родных дочерей гораздо важнее благосостояния очередной «подстилки». Но вешать на меня фирму?!

– Здесь есть дополнение. В связи с тем, что Лейла Егоровна еще не вступила в указанный возраст: двадцать один год, ее делами и делами фирмы будет заниматься опекун младшей дочери Владимир Романович Келлер.

– Не поняла? – вскидываю брови. – С чего вдруг мне отдавать свои деньги чужому человеку? И вообще, я не нуждаюсь в опеке. Мне не два года! По закону совершеннолетие это не двадцать один год, а восемнадцать!

– У вашего отца было вполне четкое понимание возраста для вступления в права наследства. К этому времени вы успеете получить образование и подготовиться к взрослой жизни. На данный момент у вас нет необходимых навыков и опыта, чтобы руководить целой «империей», не побоюсь этого слова.

– Вы сами это придумали?

– Нет. Так написано здесь, – продолжает перечислять условия и вознаграждения Келлера за его «услуги».

Чувствую себя облитой дерьмом. Отец в очередной раз указал мне на мое место. «Инфантильная девчонка». «Неразумное дитя». «Плохая успеваемость никуда не годится». «Мама была бы недовольна тобой». «Ты не даешь мне повода тобой гордиться». «Подумай, чего ты смогла достичь». В голове один за другим всплывают его слова. Холодные, острые. Мой отец был отличным адвокатом для чужих людей, а я у него была всегда на скамейке подсудимых. Обвиняема, виновна. Стук молотка и занавес.

– Вы должны были знать об этом, – продолжает нотариус, возвращая меня к разговору.

– О том, что мой папа – придурок?! – не владея собой, на эмоциях встаю и выхожу из зала. Амалия не против. Ей изрядно надоели эти взрослые «дела».

Но уйти не удастся: нас догоняет секретарь.

– Вам необходимо вернуться и подписать...

– Знаю, – рявкаю. – Я вызубрила порядок наследования получше вашего! Сейчас мне нужно выпить воды и подышать воздухом. В противном случае мои нервы не выдержат и будет большой взрыв.

Конечно, разговоры про то, что я маленькая незрелая девочка, были всегда. Но мы не поднимали тему раздела имущества и передачи прав на фирму. Более того, я понятия не имела, что папаша написал завещание. Кому в трезвом уме и добром здравии придет в голову планировать жизнь «после смерти» в сорок лет? Я не подписывала наследный договор и не нуждаюсь в услугах Владимира. Это папахивает «разводом». Быть может, они с Марго заодно? Оба аферисты, решившие обвести меня вокруг пальца. А если так, то я смогу опротестовать «завещание» в суде. Я не позволю распоряжаться моей жизнью каким-то расчетливым проходимцам. Я выведу их на чистую воду.

– Го-го! – напоминает о себе малышка.

– Что значит го-го? Домой хочешь? Я тоже. Но злые дяди и тети... все решают за нас! – осушая бутылку с минералкой, разговариваю с Амалией. Она сидит на скамейке и смотрит куда-то в конец коридора. – Но мы с тобой не позволим нами помыкать! Да?

– Да! – удивительно четко говорит сестричка.

– Молодец! Моя умная девочка.

– Лейла... – вздрагиваю от голоса. Только Владимира тут не хватало.

– Давай мне ребенка, а сама вернись в зал.

– Без тебя разберусь...

– Я не привык говорить дважды, – довольно сухо, но все-таки повторяет.

– Тогда не утруждайся, – оборачиваюсь и схлестываюсь с его ледяным взглядом. Как иголками по коже.

– Даже если ты чем-то недовольна, сейчас не время демонстрировать характер. Твое поведение лишь подтверждает точку зрения Егора.

– Да?! И какую же из многих?!

– Ты ведешь себя как избалованный ребенок.

– Спасибо за пояснение. Тогда можешь от меня отвалить и сосредоточиться на Марго. Она по твоим меркам достаточно взрослая и опытная? – шиплю. Владимир едва заметно прищуривается. Что творится в его голове?!

– Чего ты боишься, Лейла? М? – внезапно берет прядь моих волос и заправляет за ухо. Чувствую, как подушечки пальцев касаются шеи, скользят по плечу. Зачем он это делает?! Это так... странно. Снова прошибает током. Какое-то глупое чувство.

– Уж точно не тебя, – выдержав взгляд, шлепаю по его руке, заставляя отпустить. – Скорее мне тебя жаль. Ты не справишься сразу с двоими. Тебе одной-то много! Усатый нянь нашелся... А может, тебе просто нужны наши деньги? М? Может, ты в сговоре с Ритой? – теперь уже я протягиваю руку, чтобы его схватить. Меняемся ролями: держу за ворот рубашки, играю с огнем.

– Я не буду твоей нянькой. Мне нет никакого дела до тебя и твоих денег. И тем более меня ничего не связывает с Марго. Я никогда не увожу женщин у своих друзей. Даже вдов. Ясно? – ледяным тоном заявляет Владимир. – Думаешь, я рад возиться с вами вместо того, чтобы радоваться жизни в круизе, о котором мечтал всю жизнь?! Это твой отец все решил за меня! Единственное, что меня здесь держит, это то, что я не привык оставлять дела незаконченными. А еще, как человек, повидавший в жизни столько всего, сколько тебе и не снилось, я понимаю, что без меня твоей сестре светит детский дом. Поэтому если тебе, дорогая *старшая* сестрица, не плевать на нее, – тыкает пальцем в сторону насупившейся Амалии, – то ты пойдешь и прямо сейчас подпишешь документы, а дальше будешь делать так, как считаешь нужным, но, разумеется, не мешая мне и нашему общему «благу». Ты будешь хорошей девочкой. Ровно до тех пор, пока я не пойму, что вы обе готовы к свободному плаванью. Я понятно объясняю?

– Более чем, – вырываю руку и ухожу. Чертов опекун обернул ситуацию в свою сторону. Сыграл на чувствах к Амалии...

– Ляля! – кричит мне вслед сестра. Сердце пронзает болью.

– Смирись, Малек, теперь дядя Вова твой «папочка». Он лучше знает, что тебе нужно, – цежу, пожимая плечами. Сейчас я подпишу бумаги. Но это не значит, что они победили. Война только начинается и мне нужно продумать стратегию, чтобы ее выиграть. И как только я придумаю, что делать дальше, то заберу сестру и мы с ней будем жить самостоятельно.

– Отвезти вас домой? – учтиво предлагает Игорь. Каким-то чудесным способом он оказывается около меня, когда я покидаю здание.

– Пожалуй, не стоит. Всего хорошего.

Не трачу время на разговоры и ловлю такси. На удивление экономкласс останавливается моментально. Но сейчас не до выбора тачки и не до понтов. Мне нужно как можно скорее уехать отсюда. И чтобы никто не знал куда.

– В отель, пожалуйста, – называю адрес.

Вещей у меня нет, зато есть документы и деньги. Я могу купить себе все, что пожелаю. А это значит, что сегодня у меня антистрессовый шопинг.

Набираю номер подруги, которая весь день обрывает телефон.

– Ляль, почему ты вчера не приехала?! Обиделась?

– Нет... – вкратце рассказываю ей о том, что произошло.

– Охренеть! Ну ты и влипла... И что теперь делать?

– Пока вопрос с наследством не улажен, мне нужно где-то остановиться и все обдумать.

– Хочешь, можешь временно пожить у меня. Завтра утром предки улетают на острова!

Я буду жить одна целый месяц!

– Да? Это было бы неплохо... Но совсем скоро мне предстоит вернуться на учебу... так что надолго не задержусь.

– Ура! По случаю отпуска родителей будет большая вечеринка. Зажжем не по-детски!

– Класс... – выдыхаю. В прошлый раз «вечеринка» кончилась скандалом. Ну, точнее, истерику закатывала я. А Владимир был невозмутимо спокоен. Просто чуть не убил парней.

– Ну чего ты? Боишься этого цербера? Да его никто не пустит на наш праздник!

– Ты его недооцениваешь... Если он заявится... то испортит вечеринку.

– Если он настолько смелый, что рискнет пробраться без приглашения, то пожалеет об этом. Мы сделаем так, что у Вовочки будет дергаться глаз при упоминании твоего имени. Он сам сбежит. Вот увидишь!

Это было бы очень кстати. Главное, не наломать дров.

Удивительно, но вечер проходит относительно спокойно. Снимаю роскошный номер с видом на город, заказываю фрукты, а затем еду в любимый бутик, чтобы опустошить один из своих счетов. Не знаю, зачем я столько всего покупаю. Наверное, чтобы заполнить пустоту внутри. Ну и, конечно, чтобы быть самой красивой на вечеринке у Веры. Окончательно устав и едва передвигая ноги, я возвращаюсь в отель. Владимир не дежурит у двери и не обрывает мой мобильный. Значит, не все потеряно. Я могу жить самостоятельно, и он мне в этом не помеха. Не желая приключений, я как примерная девушка, спокойно ложусь спать. Но не могу заснуть. Вспоминаю то, как тянулась ко мне сестра. И я понимаю, что скучаю по ней.

Дом Веры находится в элитном районе для богатых. Никогда не задумывалась, чем занимаются ее родители, но судя по размаху, с которым все обустроено, они живут очень хорошо. Девушка проводит меня в одну из гостевых комнат и ненадолго оставляет. Но спустя некоторое время ее забавный вздернутый носик показывается на пороге комнаты.

– Мне привезли целую кучу декора, сможешь развесить?

– Ну да... – пожимаю плечами. Заняться нам все равно нечем, а Вера учится на дизайнера. Поэтому она никогда не пользуется услугами декораторов, предпочитая украшать все самостоятельно.

– Основная движуха будет у бассейна, а на парковке просто развесим разноцветные фонарики.

– А что это здесь? – вытаскиваю коробку с пальмовыми листьями.

– Как что? У нас же Гавайская вечеринка! Как же я рада, что смогу наконец пожить без родительского надзора! Одна! Просто мечта...

– Хм... – в голове всплывает семейная поездка на море. Мама, беременная Амалией, папа и я. Никто и подумать не мог, что через три года мы с сестрой останемся вдвоем.

– Прости... я не подумала, ляпнула... – спохватывается и обнимает меня.

– Все нормально. Забей, – отворачиваюсь. Психолог говорит, что нужно жить дальше, не замыкаясь в собственных проблемах. Она, конечно же, права.

– Давай, не кисни! Жизнь продолжается! Алоха! Гавайи! – пританцовывая, она ловким движением врубает колонку и начинает меня смешить.

Пока мы колдуем над «атмосферой», привозят еду. Бесконечное количество закусок и напитков.

– Сколько же человек ты планируешь принять?!

– Столько, сколько выдержит наш маленький домик, – раскрывает руки, изображая необъятное количество людей. – Кстати, помнишь брата Анны?

– Эм... Виктор? – вспоминаю блондина на спортивном мотоцикле. Все девчонки буквально пищали при его появлении, а некоторые дружили с Анечкой только из-за того, что Витя – ее брат! Еще бы... соплячки и он, взрослый и деловой, в черной косухе и серьгой в брови.

– Да! Он придет! И еще обещал, что приведет друзей. Улавливаешь намек?

– Не совсем...

– Ему двадцать восемь! – почти визжит. – Никаких мальчиков! Только взрослые, серьезные мужчины! А парни-недоросли пусть тихо кусают себе локти и встречаются со школьницами. Мы достойны большего, да?

Киваю. Взрослые мужчины – это гораздо интереснее, чем наши ровесники – избалованные мажоры. Ни опыта, ни ума, ни фантазии.

– Предлагаю поставить секьюрити на вход. Пусть запускает по паспортам! – продолжает смеяться подруга. При упоминании «секьюрити» у меня внутри все сжимается.

– Обойдемся без лишних людей.

– Не бойся, Владимир не пройдет по возрасту. Сколько ему?

– Тридцать девять.

– Ха! Точно! Старичку впору на пенсию выходить, а не болтаться по вечеринкам и мешать молоденьким девочкам развлекаться.

Оставляю ее комментарий без ответа. И как бы этот мужчина меня ни раздражал, очевидно, что Вова – далеко не старичок. С такой фигурой он даст сто очков любому. Вспоминаю то, как легко он подтягивался на перекладине и сердце начинает биться чаще. Не слушаю подругу, витаю в своих мыслях.

– Эй! Проснись! Тут уже хватит пальмы, – трясет меня за плечо.

– Да... точно. Прости.

– Ты какая-то странная сегодня.

– Да? Тебе показалось, – шлепаю ей по заднице букетом из экзотических цветов. В ответ получаю охлаждающий душ из водяного пистолета. Обстановка разряжается, и мы начинаем дурачиться, пока время не подходит к часу сборов.

– У тебя есть для меня купальник? Я взяла с собой вечернее платье и костюм медсестры, решив, что ты устроишь летний «Хеллоуин». Про Гавайи я не подозревала...

– Хм... Думаю, есть пара вариантов. Идем!

6

Владимир

– Почему ты не отвез ее домой?!

– Вы сами сказали, что это не обязательно, – теряется Игорь. Да. Я так сказал. Но, черт возьми, почему-то все равно бешусь. Это ненормальное состояние для меня. На измене. Постоянно. С того самого момента, как баба из органов опеки вручила мне десять килограммов счастья, а если точнее, Амалию Храмову. Кто бы мог подумать, что бесплатным приложением к улыбчивой малышке пойдет ее полная противоположность: жутко избалованная и вредная девица Лейла?! – Владимир Романович... что будем делать?

– Если бы я знал. На-ка, поддержи... – передаю малышку Игорю, замечая у входа Маргариту. Она переминается с ноги на ногу, поглядывая в нашу сторону. Чувствую, что дама желает познакомиться поближе и не могу ей в этом отказать.

– Как ваше самочувствие? – первым иду на контакт.

– Спасибо... вполне. В полиции помотали нервы, конечно... Но отпустили, не найдя причин для задержания. Впрочем, вам наверняка уже известно.

– Почему так думаете?

– Вы – тот самый Владимир, друг моего погибшего мужа. Я о вас много слышала.

– Да? Надеюсь, только хорошее.

– Исключительно! То, что вы замечательный человек и профи в своем деле.

– Да? А вот я про вас ничего хорошего не слышал, – прищуриваюсь, ожидая реакции. Вспыхивает, но старается держать себя в руках. В ее случае это довольно трудно, но надо отдать должное ее самообладанию.

– Не знаю, что вам про меня наболтала Лейла, но все это неправда! Я любила Егора. И не убивала его. У нас были очень теплые и доверительные отношения.

– Уверен, так оно и есть. Можно личный вопрос?

– Смотря какой... – поправляет волосы и наклоняется ко мне. Узнаю этот жест заинтересованной женщины. Судя по языку тела, она готова к новым отношениям, несмотря на то, что со смерти мужа прошло совсем немного времени.

– Почему Егор, так сильно доверяя вам, не оставил дочь под вашу опеку?

– Потому что я не слишком люблю детей... и у меня совершенно нет опыта! – отвечает искренне. Впервые за весь день она, похоже, не врет.

– В этом мы с вами родственные души. Однако, в моем случае, Егора не смутило полное отсутствие материнского инстинкта, – смеюсь, анализируя ее реакцию. Но она строит из себя дурачку и улыбается в ответ, еще сильнее подаваясь в мою сторону. Иногда я жалею, что так хорошо читаю людей. Особенно женщин. Знаю наперед их мысли и желания. – Скажите, Рита... могу я вас так называть?

– Конечно! Можно на ты.

– Так вот, ты говорила, что у тебя нет навыков общения с ребенком... а с кем же находилась Амалия, пока Егор был жив?

– С нами, конечно!

– А как же он успевал работать и воспитывать дочь?

– Нет, Егор не занимался воспитанием. У нас... была няня... – меняется в лице. Очень интересно. Я подозревал.

– Это замечательная новость. Уверен, у тебя сохранились ее контакты?

Молчит, раздумывает.

– Нет, на нервной почве и с постоянными звонками я удалила все и заблокировала телефон. И вообще... я никому не доверяю.

– Даже мне?

– Кроме вас.

– Можно на ты, Рита. Ни к чему эти формальности.

– Согласна. – Девушка снова расслабляется. – К тому же мы почти родственники теперь. Едва сдерживаюсь, чтобы не поднять брови от удивления.

– Что ж, хорошего дня. А нам пора. Судя по советам из интернета, ребенку нужно часто есть и много спать.

– Слушай, Вов... я могла бы попробовать... ну помочь тебе с Амалией. Вместе мы бы как-нибудь справились... первое время, – опускает глаза, хлопая длинными ресницами. Приходится вежливо ее отшить.

– Спасибо. Но я никому не доверяю. Кроме себя.

– Ну, как хочешь. В любом случае скоро увидимся.

Киваю и ухожу. Думаю, я понимаю, на что она намекает. И Лейле это очень не понравится.

– Владимир Романович, курьер звонит. Через час привезут еду для Амалии. Ну и для вас там кое-что... Как заказывали, прямо на причал.

– Молодец. Теперь отправляйся в аэропорт. А мы с малой поедом кормить кошку и заодно сами покормимся.

– Хорошо. Справитесь?

– Постараемся протянуть до вечера. А дальше будет попроще.

Игорь хмыкает и уезжает, а я сажаю девочку в детское кресло, врубаю на дисплее заднего ряда какую-то дебильную анимацию про монстров и двигаю в сторону яхты. Блохастая зажалась. А мы в ответе за тех, кого приручили.

Вернувшись в дом, первым делом проверяю замки. Новые, надежнее прежних. Теперь сюда попадут лишь те, у кого есть ключи. А это значит, что только с моего разрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.